

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 3
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-66-79>

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВНЕБРАЧНЫЙ РЕБЕНОК» В МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-х ГОДОВ

Екатерина Николаевна Полякова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Аннотация. Рассматривается специфика номинаций внебрачного ребенка на материале молодежной литературы 1920-х гг. В результате исследования установлено преобладание не-прямых номинаций над прямыми (в 4,5 раза); воздействие экстралингвистических факторов; разнообразие средств репрезентации данной темы; ослабление интегрального семантического признака посредством семантики неопределенности и переноса с рода на вид в преобладающем числе не прямых обозначений (в 66 %, или 68 примерах). Употребление исследуемых языковых единиц ограничено социально-историческим контекстом. Номинации внебрачного ребенка в молодежной советской литературе 1920-х гг. выступают в качестве одного из средств социальной идентификации.

Ключевые слова: *непрямая номинация, прямая номинация, табу, внебрачный ребенок, незаконнорожденный, инокультурный контекст, дореволюционный контекст*

Для цитирования: Полякова Е. Н. Особенности номинации семантического поля «внебрачный ребенок» в молодежной литературе 1920-х годов // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 3. С. 66–79. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-66-79>

Original article

PECULARITIES OF NOMINATION OF THE SEMANTIC FIELD “ILLEGITIMATE CHILD” IN YOUTH LITERATURE OF THE 1920s

Ekaterina N. Polyakova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Abstract. The specific ways of designating illegitimate child are examined based on youth literature of the 1920s. As a result of this study, the predominance of indirect nominations of an illegitimate child over direct ones by 4.5 times; the impact of extralinguistic factors; the variety of means of representing this topic; the weakening of an integral semantic feature through the semantics of uncertainty and transfer from genus to species in the prevailing number of indirect designations (66 %, or 68 examples) was found. The use of the studied linguistic units is limited by the socio-historical context. The nominations of an illegitimate child in the Soviet youth literature of the 1920s act as one of the means of social identification.

Key words: *indirect nomination, direct nomination, taboo, illegitimate child, Illegitimate, foreign cultural context, pre-revolutionary context*

For citation: Polyakova, E. N. (2026). Peculiarities of nomination of the semantic field “illegitimate child” in youth literature of the 1920s. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 3, pp. 66-79. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-66-79>

Введение

В 1920-е гг. вместе с социально-политической революцией происходила перестройка координат ценностей общества. Место внебрачных детей в новом мире подвергалось переосмыслению. Новая власть последовательно уравнивала в гражданских (Декрет от 29 декабря 1917 г.) и имущественных (Семейный кодекс 1926 г.) правах лиц, рожденных в зарегистрированном браке и вне его. Между тем образ внебрачного ребенка (далее — ВР) в обществе начала XX в. носил амбивалентный характер.

Некоторые диалектологи констатируют, что в традиционном крестьянском обществе рождение ребенка вне брака рассматривалось как отклонение от нормы. В соответствии со статистикой в 1913 г. 85 % населения составляли крестьяне [Рашин, 1956, с. 87]. Появление ребенка на свет вне брака — «событие, находящееся на периферии обрядовой народной культуры» [Коконова, 2007, с. 343]. Л. И. Ларина акцентирует внимание также на влиянии религии: «по устоявшимся моральным законам он [ВР] был ... рожденный в грехе» [Ларина, 2014, с. 38]. Подобный ребенок также считается в традиционном обществе «маргинальным в силу своего происхождения», «обособленным и противопоставленным обществу» [Угрюмова, 2012, с. 26]. Номинации ВР широко представлены в диалектном фонде русского языка, как правило, они содержат негативный оценочный компонент.

Признается, однако, и несправедливость подобного положения ВР: такой человек в народной культуре рассматривался как «невинный за грехи родителей» [Банкова, Угрюмова, Агапова, 2017, с. 107]. Данный подход получает развитие главным образом в среде интеллигенции. Несчастливая судьба брошенной женщины и незаконнорожденного — «востребованный сюжет литературы и публицистики XIX в.» [Иванова, 2020, с. 84]. Его актуализация способствует развитию милосердного отношения к «оступившимся» женщинам и их детям. Под влиянием темпов роста незаконных детей, трагичного стечения их жизни (беспризорничество, массовые детоубийства) и гуманистических идей прошла реформа 1902 г., направленная на улучшение положения этой категории населения. С. Ю. Кушечев связывает данные изменения в начале XX в. с зарождением процесса «своеобразной „амнистии“ в общественном сознании статуса незаконнорожденности» [Кушечев, 2012, с. 218]. Примечательно, что в законе отражен и лингвоэкологический момент: понятие *незаконнорожденный* было исключено из юриспруденции и признано «неудовлетворительным» [Верещагин, 1907, с. 4] в связи с этическими мотивами.

Неоднозначный характер взаимодействия социума с ВР, а также процесс его трансформации в 1920-х гг. отражается и на языковом уровне. Номинации ВР одновременно служат средством экспликации общественных настроений и их создания. Современные принципы обозначения лиц, рожденных вне зарегистрированного союза, формируются под влиянием происходивших в 20-х гг. XX в. сдвигов в общественном сознании и требуют лингвистического осмысления, делая исследование состава семантического поля ВР (далее — СП ВР) релевантным.

Наименования ВР в молодежной советской литературе 1920-х гг. в комплексном ключе не становились объектом изучения, что и составляет новизну исследования.

Эмпирическим материалом исследования послужили художественные тексты, представленные в журналах «Красная новь» (1921–1929), «Смена» (1924–1930), «Молодая гвардия» (1923–1930), «Новый мир» (1925–1928). Языковой материал составила 141 языковая единица (ЯЕ), используемая для обозначения ВР в указанных источниках. Выбор именно такого эмпирического материала обусловлен воспитательно-дидактическим потенциалом молодежной литературы при создании нового человека, ее ориентацией на социальную и языковую политику формирующегося государства, реакцией на происходящие события, доступностью для обучающегося населения страны, меньшей формальностью языкового материала и запечатлением живых форм разговорной речи.

В исследовании высказывается следующая гипотеза: в художественных текстах 1920-х гг. номинации ВР выступают в качестве одного из средств формирования языкового портрета социальной группы.

Цель исследования — характеристика особенностей наименования ВР в литературе, представленной в молодежной периодике 1920-х гг.

В работе применяются общенаучные (синтез, анализ, описание), социологические (статистический, сплошная выборка, элементы контент-анализа) и лингвистические (лексико-семантический, интерпретативный анализ) методы исследования.

Результаты

Анализ языкового материала позволил выявить следующие закономерности: преобладание не прямых номинаций (НН) ВР над прямыми (ПН) (в 4,5 раза); воздействие экстралингвистических факторов; разнообразие средств репрезентации данного поля; ослабление интегрального семантического признака в превалирующем числе не прямых обозначений (в 66 %, или 68 примерах); ограничение употребления ЯЕ в социально-историческом контексте; использование номинаций ВР в качестве одного из средств социальной идентификации и дифференциации; приобретение дополнительной негативной коннотации под влиянием государственной политики и изменений аксиологических ориентиров общества.

В художественных текстах, представленных в журналах «Красная новь» (1921–1929), «Смена» (1924–1930), «Молодая гвардия» (1923–1930), «Новый мир» (1925–1928), 73 % номинаций ВР (или 103 примера) носят опосредованный не прямой характер.

Понятие «непрямая номинация» в данном исследовании трактуется как «наименование, которое выступает в тексте в качестве вторичного по отношению к иному кореферентному слову, словосочетанию или предложению, являющемуся средством прямого указания на объект или ситуацию» [Киосе, 2011, с. 44]. В числе свойств ЯЕ данного типа отмечаются «отнесенность ко всем предшествующим и сопутствующим номинациям объекта», «вскрытие новых значений объекта или ситуации через отношения с другими объектами», сознательный выбор по «отсеиванию второстепенного и выдвижению на первый план самого существенного и важного» [Киосе, 2011, с. 44].

Преобладание в молодежной литературе 1920-х гг. НН ВР обусловлено экстралингвистическими факторами: действием языкового табу, существующим патриархальным социально-нравственным императивом и реализацией

новой социальной политики формирующегося государства, направленной на уравнивание рожденных в браке и вне его.

Половая сфера подвергается социальному и языковому цензурированию и характеризуется «высокой степенью эвфемизации» [Иванян, 2021, с. 36]. «В развитом социуме существует запрет на обсуждение сферы половых отношений, названий „человеческого низа“» [Иванян, 2021, с. 35]. Ключевое средство преодоления языкового запрета — эвфемизмы, в основе которых лежит цель «коммуникативного смягчения ситуации» [Ковшова, 2007, с. 29] и «принцип не прямой номинации» [Орлова, 2022, с. 7]. Эвфемизмы в данной работе понимаются как «слова или выражения, которые употребляются вместо тех, которые запрещены или ограничены в употреблении этикетными, этическими, правовыми, идеологическими нормами и обычаями, принятыми в данном культурно-языковом обществе» [Ковшова, 2007, с. 29].

ВР в традиционной культуре — прямое свидетельство нарушения устоявшейся системы патриархальных табу, обусловленных религиозным, социально-экономическим устройством быта основной части населения страны в начале XX в. Данный фактор оказал существенное влияние на состав СП ВР в русском языке.

Отечественные диалектологи указывают на негативно-оценочный характер преобладающего числа обозначений ВР, а также малочисленность нейтрально-маркированных эквивалентов. Л. И. Ларина как отдельный способ образования диалектизмов данной сферы выделяет «негативную оценочную мотивацию» [Ларина, 2014, с. 41]. Н. Г. Архипова, А. В. Закирова констатируют, что «наименования ВР обладают главным образом отрицательной коннотацией» [Архипова, Закирова, 2014, с. 170]. В числе примеров с нейтральной или положительной оценкой выделяют те, в которых «подчеркивается божественное происхождение таких детей» [Архипова, Закирова, 2014, с. 168]. Симптоматично, что значительная часть выявленных в молодежной периодике начально-го советского периода наименований ВР содержит пейоративную коннотацию.

Кратко перечислим наиболее частотные ПН и НН ВР в молодежной литературе 1920-х гг. Группа ПН ВР в исследуемых текстах сравнительно малочисленна: *незаконный, незаконнорожденный, мамзер, ублюдок, байстриук (бастриук), бастард*. Между тем указанные лексемы отличаются регулярностью употребления — 27 % (38 примеров) от общего числа обозначений ВР в рассматриваемых текстах.

Наиболее частотно фиксируются лексемы *незаконный, незаконнорожденный*, их дериваты (*незаконноплеменный, узаконить/обзаконить младенца, неузаконенный*) (13,5 % от общего числа ЯЕ, 53 % от ПН, или 20 примеров) и *байстриук* (26,5 % от ПН, или 10 примеров). Инвектива *ублюдок* применена в 3 языковых ситуациях (8 %). Экзотизм иудейского происхождения *мамзер* представлен в одном тексте, однако используется 4 раза (10,5 % от числа ПН). Единично отмечается слово *бастард* (3 % от числа ПН) — в речи бывшего помещика.

Отдельные дериваты в литературе 1920-х гг. отмечаются у лексемы *незаконный: обзаконить (младенца), узаконить (детей) и незаконноплеменный*. Указанные примеры маркируют обиходно-бытовую крестьянскую речь. Распространенность и устойчивость лексем *незаконный* и *незаконнорожденный* обусловлены их принадлежностью к общественно-правовой терминологии XIX в. и общеупотребительной лексике, относительной коннотативной нейтральностью.

В литературе 1920-х гг. НН ВР частотно представлены двумя и более словами в составе перифразы. Указанным единицам свойственны семантиче-

ская диффузность, единичный характер употребления в конкретном художественном тексте и, как следствие, синсемантичность.

Средства непрямо́й репрезентации СП ВР разнообразны: перенос с рода на вид (*ребенок, дите, сынишка, новый человек, пережитое*), описательный оборот (*дети, у которых нет отцов; скрытое от людей дитя*), металепсис (*алиментный грех, алимент, взять ответственность*), синекдоха (*чужих кровей, чужой рот, невинная душа, новая жизнь*), метонимия (*тайный сын, грех*), метафора (*брошенные дети, брошенные птенцы, гостинец, подарочек*), прономинальные лексемы (*все, это, неизвестно чей*), фразеологический эллипсис (*не мой, неизвестно чей* (ребенок), *родила без мужа*), фразеологизм (*нагулять/прижить ребенка*), антифразис (*«радость», гостинец, обрадовала, награда*), мейозис (*грешок, подарочек*), сравнение (*похож как две капли воды*), синтаксическая антитеза (*не мой, а твой*), риторический вопрос (*кто знает, чей он; кто сказал, что он мой; кому нужна с ребенком; чем докажешь, что он мой?*).

Наиболее частотно в молодежной литературе 1920-х гг. используются: а) перенос с рода на вид (48 %, или 49 примеров); б) прономинальные лексемы и их сочетание с фразеологическим эллипсисом (*неизвестно чей, не мой, это, такое*), описательными оборотами (*то, что со мной случилось*), метафорой (*наградили этим*) (18 %, или 19 НН); в) описательные обороты (*скрытое от людей дитя; дети, у которых нет отцов/не знающие отцов*) — 8 %, или 8 ЯЕ.

Относительную устойчивость демонстрируют ЯЕ, эксплицирующие следующие дифференциальные признаки: 1) чуждость (*чужой грех, чужой пашенок, алиментщик на чужой грех; чужой рот, не мой сын*); 2) генеалогическая неполнота связей: а) отсутствие отца (*дети, у которых нет отцов; дети без отцов, безродная, безотцовщина*); б) наличие только матери (*одна с ребенком, ее дите/ребенок/сын*); 3) приобретение (*прижить/нагулять ребенка, подарочек, награда, гостинец*); 4) нарушение религиозных канонов (*родить без венца, невенчаный, невенчанная, грех, грешок юности, алиментный грех, чужой грех*).

О. В. Никифорова на материале нижегородских диалектизмов СП ВР отмечает продуктивность и устойчивость перечисленных дифференциальных признаков [Никифорова, 2017]. В литературе примеры, в которых находят отражение указанные признаки, используются преимущественно в крестьянской среде или представителями старшего поколения в качестве иллюстрации патриархального мировоззрения.

Около 36 % (51 ЯЕ) составляют номинации детей, рожденных в результате женского адюльтера, т. е. связанные с нарушением еще более строгого социального запрета. Как отмечает Л. А. Бушуева, «мужская измена реже по сравнению с женской оценивается отрицательно» [Бушуева, 2024, с. 120].

Резкий рост использования данного типа ЯЕ экстралингвистически обусловлен — отмечается в 1926 г. в свете вызвавшего общественный резонанс случая инфантицида. По мотивам произошедшей трагедии в журнале «Красная новь» публикуется рассказ «Дело № 3576» и серия статей. Акцент в тексте сделан на ЯЕ с негативно-оценочной и инвективной составляющей, используемых для наименования ребенка. Публицист издания И. Ильинский, в частности, повествуя о трагедии, также обращает внимание адресата на лингвоэкологический момент: «Муж оказался морально недостаточно крепким. Он стал упрекать жену по поводу ребенка и придирается к ней. Дело доходило до оскорблений самого пошлого свойства» (Красная новь. 1926. № 7. С. 190).

В художественных и публицистических текстах 1920-х гг. фиксировался определенный спектр обозначений ВР, поэтому в социальной политике существенное внимание уделялось и лингвокультурологической составляющей про-

блемы. Номинации оскорбительного характера, частотно реализуемые посредством экспликации семантики чуждости и выделяющие ВР из ряда прочих, рассматриваются как одна из причин свершившегося убийства и социально недопустимые в новом быте.

Для преобладающей части ЯЕ, выявленных в молодежной литературе (66 %, или 68 примеров), характерны деконкретизация значения, опущение или размытие интегрального семантического признака рассматриваемой языковой области — появления на свет в результате внебрачной связи родителей. Отмечается тенденция к отказу от специального обозначения ВР.

На языковом уровне это отражается в виде выбора ЯЕ с широкой семантикой: нейтральных общеродовых наименований лица, связанных с возрастными (*ребенок, дети, дитя, мальчишка, ребята, младенец*), семейно-иерархическими (*сын, сынок, дочка*) характеристиками, перефраз с прономинальными лексемами.

Общеродовые наименования лица, относящиеся к сфере «детство», сопровождаются безличным стативным глаголом (*появился/объявился/родился/случился*), отрицательными (*ребенок и никого вокруг*), неопределенными (*чей-то*), указательными (*такой, этот ребенок, такое дитя*), притяжательными (*не мой ребенок, мой ли сын*) и личными местоимениями женского рода (*у нее ребенок*), омоформой (*одна с ребенком*), а также используются в составе вопросительных (*куда я с ребенком; кому нужна с ребенком?*) конструкций.

В составе НН прономинальные лексемы представлены в омонимических комплексах: *такое, это, все*; логических перифразах: *довести до такого, знаешь, про что говорю*; в сочетании с фразеологическим эллипсисом, синтаксической антитезой, риторическим вопросом, вопросительной частицей *ли. не мой, а твой; мой ли, не мой ребенок, неизвестно чей*. Примечательно, что прономинальные лексемы применимо к проблеме в 3 раза чаще употребляются в прямой речи молодежи по сравнению со старшим поколением.

Стативные безличные глаголы, категориальным признаком которых является отсутствие субъекта действия, характеризуются семантической неопределенностью. В сочетании с гиперонимом *ребенок* по отношению к ВР осуществляется имперсонализация участников действия, что служит цели деконкретизации внебрачного происхождения, а также размытия ответственности одного из участников (*у нее родился ребенок*).

На происхождение ребенка указывают метатекстовые средства, составляющие социального сценария, связанного с одиноким материнством в начале XX в. В числе устойчивых сценариев (7 примеров), реализуемых в рамках постреволюционного контекста, — последовательность действий: 1) уговоры к внебрачной связи; 2) обещания брака; 3) бегство/склонение к прерыванию беременности; 4) оставление женщины с ВР. Как правило, подобная цепь событий выражена кратко:

*«Когда Петька жил на селе, мы с ним полюбились, а когда он узнал, что у меня будет **ребенок**, он убежал в город. Я сирота и никого у меня нет. А Петька говорил: „Мы с тобой обвенчаемся, и будет жить нам хорошо“»* (Смена. 1928. № 115. С. 4–5).

Подобные НН в связи с относительной семантической неопределенностью, позволяющей в рамках конкретной коммуникативно-прагматической ситуации заменять нежелательное обозначение, вуалировать, опускать и смягчать негативный денотат, обладают некоторым эвфемистическим потенциалом. В условиях критики «кудрявых фраз», ориентации на «простоту словесных форм» [Басовская, 2011, с. 119] и позиционирования языковой простоты как

«пролетарской прямоты» в публицистике 1920-х гг. данные ЯЕ представляют собой форму коммуникативного смягчения в значительной мере условного характера.

Выявленные примеры в исследуемых художественных текстах функционируют в рамках постреволюционного, дореволюционного, инокультурного социально-исторического контекста. ЯЕ демонстрируют ограничения, обусловленные контекстом. Обозначения ВР в рамках конкретной коммуникативной ситуации выступают в качестве средства социально-политической, гендерно-возрастной идентификации и дифференциации. Некоторые номинации ВР в художественных текстах молодежной периодики под влиянием экстралингвистических факторов приобретают идеологическую надстройку и дополнительную пейоративную коннотацию.

Под инокультурным социально-историческим контекстом подразумеваются ситуации, происходящие: а) за пределами России; б) внутри страны, но в закрытом этнокультурном сообществе. Примечательно, что 77 % (7 из 9 ЯЕ) подобных примеров фиксируются в пределах еврейской среды или относятся к ее представителям. Дореволюционный и постреволюционный контекст национально маркирован: первый связан с обстоятельствами, происходящими в России до Октябрьской революции и смены политического строя и относимыми к реалиям царской России, второй — с событиями в Советской России после Октябрьской революции 1917 г.

ПН ВР, как правило, представлены в рамках дореволюционного и инокультурного контекста, НН — постреволюционного (таблица). Выявленные в литературе 1920-х гг. наименования ВР, очевидно, находятся в оппозиции с точки зрения принадлежности к старому (дореволюционный контекст) и новому (постреволюционный) быту.

Статистика использования номинации ВР в литературе 1920-х гг.

Обозначения ВР	Контекст						Итого	
	дореволюци- онный		инокультур- ный		постреволюци- онный			
	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.
Прямые	58	22	13	5	29	11	100	38
Непрямые	17,5	18	4	4	78,5	81	100	103
В целом	29	40	6	9	65	92	100	141

ПН ВР (*незаконный, незаконнорожденный, бастард, байстрюк, мамзер, ублюдок, бастард*) преимущественно (71 % ПН, или 27 примеров) функционируют в рамках дореволюционного и инокультурного контекста, лишь 29 % (11 примеров) используются при характеристике постреволюционных реалий. В молодежной литературе 1920-х гг. подобные примеры служат иллюстрацией не только языковой, но и социальной дискриминации рожденных вне брака лиц, ее несправедливости.

Данная специфика определяется в основном употреблением лексем *незаконный, незаконнорожденный* и их дериватов, отличающихся частотностью (53 % ПН, 13,5 % от общего числа). Лексема *незаконный* в литературе 1920-х гг. получает «идеологическую надстройку» [Купина, 2015, с. 10]. Указанная номинация закрепляется за дореволюционным контекстом прямо при описании бытовых сюжетов (7 примеров, или 44 %), происходящих в царской России, или косвенно посредством апелляции к прошлому строю. Так, в 56 % случаев (10 из 16 примеров) употребление слов *незаконный* и *незаконнорожденный* сопро-

вождается графическим выделением (*незаконный*), указанием на период (*раньше, прежде, тогда*) или предшествующий политический строй (*по старому названию, по царскому закону*).

Проиллюстрируем на примере из «Белой страницы» Дм. Сверчкова: «*статистика говорит, что **незаконные — по старому названию** — дети в среднем всегда превышали своими способностями **законных**, потому что родились от объятий по страсти, настолько большой, что она ломала перегородки всех условностей, а не по супружеской обязанности, которая скорее подходит к скучному выполнению естественных потребностей, чем к любви...*» (Красная новь. 1929. № 11. С. 79).

Примечательно, термин *незаконный ребенок* выделяется графически (кавычками, тире) и позиционируется как «чужая речь», дореволюционная, идеологически неуместная при новом строе. В примере также задействована система семантических оппозиций *старый — новый* (быт), *законный — незаконный ребенок*, *страсть — супружеская обязанность*.

Используемые в постреволюционном контексте ПН ВР характеризуют социально неодобряемые акты коммуникации, ситуации, связанные с проявлением вербальной агрессии. В 64 % (7 ПН, функционирующих в постреволюционном контексте) данные примеры употребляются в роли инвективы. Так, *байстрюк* в качестве вокатива применяется в криминальной и контрреволюционной языковой среде, единично в качестве инвективы в речи старшего поколения крестьян; *мамзер* — в обособленной этнокультурной (еврейской) среде; *ублюдок* — в речи мужа, столкнувшегося с результатами адюльтера супруги, при иллюстрации речевой агрессии.

НН фиксируются в 78,5 % (81 из 103 примеров НН) в рамках постреволюционного контекста. Около 17,5 % (18 примеров) ЯЕ, использующихся для опосредованного обозначения ВР в литературе 1920-х гг., отмечаются при описании явлений, происходящих в Российской империи (132 примера), и 4 % (4 НН) — в инокультурном пространстве.

При характеристике инокультурных реалий применяются обозначения ВР, реализующие семантику таинственности (*тайный сын, дитя, рожденное в тайне*), генеалогической неполноты связей (*сын, не знавший отца; сын бедной еврейки*).

Превалирующее число (68 %, или 90 примеров из 132) оставшихся ЯЕ фиксируется в пределах деревенской языковой среды. Симптоматично, что все НН ВР, отмечаемые в пределах дореволюционного контекста, за исключением перифразы *грешок юности*, фигурируют в крестьянской речи. Подобные примеры демонстрируют разнообразие дифференциальных признаков: содержат кликальный компонент значения (далее — КЗ) (*грех, грешок юности, рожден без венца, с невенчанной прижил ребенка*), выражают семантику чуждости (*чужой сын, чужих кровей, чужой рот*), партитивности прямо (*чужих кровей, чужой рот*) и косвенно, указывая на наличие только матери (*при одной девичьей фамилии, у нее ребенок, при матери одной*), отсутствие отца (*безродная*), приобретение (*подарочек*). Номинации ВР с религиозной семантикой «в 1920-х гг. использовались для оценки женского поведения и отличались гендерной асимметрией» [Полякова, Павлов, 2020, с. 332].

Обозначения, представленные в рамках современного для 1920-х гг. контекста, отражены в городской (пролетарско-мещанской) и крестьянской языковой среде. 63 % (48 примеров из 79) НН ВР находят отражение в условиях сельской действительности.

Подобная закономерность употребления исследуемых непрямых ЯЕ в молодежной литературе создает впечатление, что появление ребенка вне брака

в постреволюционном (и дореволюционном) обществе имело значение именно в крестьянской общине. В критических статьях о новом быте, публикуемых в молодежных изданиях, крестьянская среда рассматривается как источник «грубых нравов», собственнического и «физиологического подхода к женщине», отмечается и «некультурность нравов, перенесенных из деревенского быта» (Смена. 1929. № 76. С. 6). Город противопоставляется деревне как источник новации, не лишенный сходных проблем — уклонения от отцовства, краткосрочных связей.

В обозначениях ВР, фигурирующих в речи старшего поколения крестьян, находят актуализацию дифференциальные семантические признаки поля, применяемые в дореволюционном контексте. Подобные примеры выступают в качестве иллюстрации «жизни по-старому».

Наиболее характерным для крестьянской среды было использование в составе НН номинаций ВР, реализующих семантику приобретения, чуждости (чужая собственность/собственность без владельца), а также указание при описании коммуникативно-прагматической ситуации действий, связанных с социальной обструкцией женщины (*мигали глазом, насмешничали, охальничали, болтали, слухи ходили, судачили*).

Понятие *собственность* под влиянием социально-политических трансформаций приобретает негативную коннотацию и выступает в качестве маркера старого мышления. Как отмечает М. А. Холодный, «в годы Гражданской войны окрепла и традиция крайне негативного восприятия частной собственности», а слово «собственник» «превратилось в ругательство» [Холодный, 2015, с. 189]. В условиях всеобщей бедности в крестьянской среде вопрос собственности имел особое значение в мировоззренческой парадигме и «основывался на трудовом принципе» [Семиколенов, 2023, с. 55], экстраполируясь на иные социально значимые вопросы.

В молодежной литературе НН ВР с данным КЗ выполняют функцию социальной идентификации. Указанные ЯЕ отмечаются в речи определенного типа персонажей: обманутых супругов (прямая и косвенная экспликация семантики чуждости — *чужой грех, чужой ублюдок, не мой сын, чужого отца сын, чужой пашенок*), жен-изменниц (*чужих кровей*), мужчин, желающих снять ответственность (косвенная реализация указанного КЗ: *неизвестно чей ребенок, мой ли, кто сказал, что он мой?*). Примеры, реализующие семантику приобретения, носят стилистически сниженный характер, оценивают женское поведение: *нагуляла/принесла/прижила ребенка*.

Примеры, в которых сочетаются метафорический перенос и антифразис с семантикой приобретения (*гостинец, наградили этим, подарочек*), характерны для особой семейно-возрастной группы — матерей-крестьянок «оступившейся» девушки. Яркий саркастический характер подобных ЯЕ мог быть обусловлен этнокультурной спецификой. В патриархальном обществе за «бесчестие» дочери «позорящее» наказание принимала и ее мать [Пушкарева, 2009, с. 91]. Приведем пример из рассказа П. Романова с репликами матери комсомолки, родившей вне брака:

« — Мать, я **беременна...**

Она в первый момент как-то недепо-жалко улыбунулась, как улыбается человек, когда над ним заносят топор и он думает, что, может быть, это еще шутка. Потом лицо ее побелело, и она тихо сказала:

— Обрадовала, матушка... **гостинца привезла?.. Спасибо... Дотрепалась-таки...**» (Новый мир. 1927. № 7. С. 81).

В примере негативная эмоциональная реакция выражена завуалированно с помощью антифразиса. Слова *обрадовала, гостинец, спасибо* используются в противоположном смысле для достижения саркастического эффекта; эксплицитно выраженную пейоративную коннотацию реализует просторечно-сниженный дисфемизм *дотрепалась*. Речевая репрезентация СП ВР посредством реализации семантики приобретения экономна и отличается высокой степенью образной зашифровки. Данная закономерность объясняется влиянием экстралингвистических факторов: а) социально-гендерной роли, приписываемой женщине сильную языковую стыдливость; б) более высокой степени запрета на обсуждение интимных вопросов в среде старшего поколения.

Существование системы особых «крестьянских» обозначений ВР среди старшего поколения подразумевает не только языковую идентификацию данной социальной группы с последующей сегментацией номинаций по гендерному, гендерно-возрастному признаку, но и наличие на обратной стороне полюса социальной группы со своим особым лингвистическим инструментарием. В числе новых людей — морально устойчивые дореволюционные активисты, комсомольцы, пролетарии, руководители, члены ячеек. Характерные особенности репрезентации исследуемой области в их речи — отсутствие специальных наименований ВР, коннотативная нейтральность, невысокая степень языковой зашифровки, доступность, преобладание среди средств репрезентации переноса с рода на вид, прономинальных лексем, описательных оборотов, единично — металеписа.

В частности, для иллюстрации языковой стыдливости молодых женщин-активисток применяется семантика неопределенности, эксплицируемая в виде логических перифраз с прономинальными лексемами или пустыми определениями. Наиболее ярко данная специфика проявляется в женских беседах или рассказах, выполненных в форме письма к подруге. Приведем пример из рассказа П. Романова от лица дочери-комсомолки в виде письма подруге:

*«У меня в жизни большая новость: трехмесячный **ребенок**. Я — **молодая мать**. Тебе странно **это?**.. Теперь я последний месяц работаю в клинике и скоро буду самостоятельной женщиной. А **то, что я пережила за этот год**, сделало меня как бы совсем другим человеком.*

Началось это с одного страшного для меня момента. Это было, когда я впервые поняла, что готовлюсь быть матерью» (Новый мир. 1927. № 7. С. 79).

В рамках одного рассказа автор создает принципиально различный языковой облик матери-крестьянки и ее обучающейся в городе дочери-комсомолки — «старой» и «новой» женщины. Номинации ВР в данном случае выступают в качестве одного из средств его формирования. Языковые портреты применимо к исследуемому СП противопоставлены по средствам репрезентации (омокомплекс, металепис, гипероним — сочетание метафоры и антифразиса), степени зашифровки (низкая — высокая), коннотации (нейтральная — негативная). Между тем стимул одинаков — языковая стыдливость и неприемлемость обсуждения происхождения ребенка непосредственно связаны с высокой степенью запрета на обсуждение темы.

Непрямые обозначения ВР, указывающие на внебрачный статус родителей, материальную ответственность отца (*взять ответственность, алиментный грех, алименты*), чуждость (КЗ «ничейная собственность»), отсутствие отца, в составе СП ВР универсальны и отмечаются равно в городской и крестьянской речевой среде.

Различия при актуализации одной семы в современном для 1920-х гг. контекста обусловлены, как правило, не средой (городская/сельская), а возрастной принадлежностью.

Заключение

Состав СП ВР в молодежной литературе 1920-х гг. демонстрирует влияние экстралингвистических факторов: языкового табу, патриархальной парадигмы ценностей, гуманистических идеалов, жестоких реалий в виде детоубийства «засорных», новой социальной политики формирующегося государства, направленной на уравнивание рожденных в браке и вне его. Номинациям ВР в молодежной периодике начального советского периода придается социальное значение.

В художественных текстах 1920-х гг. они выступают в качестве одного из многочисленных средств сегментации общества, его дифференциации по социально-политическому, гендерному, возрастному признакам. Отдельные обозначения ВР находятся в оппозиции старый — новый по характеру употребления: а) дореволюционный — постреволюционный строй; б) крестьянская — городская среда; в) старшее поколение — молодежь.

ПН ВР преимущественно функционируют в дореволюционном и инкультурном контексте, НН — в постреволюционном. Данная специфика определяется в основном употреблением высокочастотных ЯЕ *незаконный*, *незаконнорожденный* и их дериватов. Атрибутив *незаконный* в литературе 1920-х гг. получает идеологическую надстройку и закрепляется — прямо или опосредованно — за дореволюционным контекстом.

Превалирующее число ЯЕ (90 примеров из 132) фиксируется в пределах деревенской языковой среды, создавая впечатление, словно появление ребенка вне брака имеет значение исключительно в крестьянской общине. Наиболее характерным для изображаемой в молодежной литературе крестьянской среды является использование НН ВР, реализующих семантику приобретения, чуждости, клерикальности, а также указание на действия, связанные с социальной обструкцией женщины. Эти примеры, как правило, выражают пейоративную коннотацию, маркируют героев старого быта и позиционируются как неуместные в новом мире. Данный факт экстралингвистически детерминирован: деревня в публицистике 1920-х гг. систематически подвергается критике за «косность» и «собственнический подход к женщине».

В литературе молодежной периодики 1920-х гг. отмечается тенденция к отказу от специального обозначения ВР. В 66 % употребления НН интегральный семантический признак поля — внебрачный статус родителей — опускается. Правильное декодирование обеспечивается контекстом. Подобные примеры обладают в рассматриваемых текстах универсальным характером употребления, между тем ЯЕ с прономинальными лексемами в 3 раза чаще используются в речи молодежи.

Список источников

Архипова Н. Г., Закирова А. В. Образ ребёнка в русской языковой картине мира: на примере оппозиции «брачный — внебрачный» и «родной — неродной» // Вестн. Амурского гос. ун-та. Серия : Гуманит. науки. 2014. № 64. С. 167–171.

Банкова Т. Б., Угрюмова М. М., Агапова Н. А. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск: Томский гос. ун-т, 2017. 200 с. EDN: XWLCXZ.

Басовская Е. Н. Советский лингвистический пуризм: слово и дело (на материале периодики 1920–1930-х годов) // Вестн. РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 7 (69). С. 114–124. EDN: NXZVCP.

Бушуева Л. А. Реализация фрейма «измена в любви» в лексической системе русского языка и публичной коммуникации (на материале словарей и подкастов) // Вестн. Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2024. № 2. С. 113–122. EDN: RCZYWB. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-2-113-122>

Верещагин В. А. Закон 3 июня 1902 года об улучшении положения незаконнорожденных детей с мотивами Государственного совета. СПб.: Изд. Юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1907. 55 с.

Иванова Е. А. «Простые обязательства, вытекающие из любви к женщине». Кто ответственен за последствия внебрачной связи? На материале произведений А. Н. Островского и Н. С. Лескова // Актуальные науч. исследования в современном мире. 2020. № 12-8 (68). С. 84–89. EDN: UAVPYM.

Иванян Е. П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс : учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2021. 120 с.

Клюсе М. И. Непрямая номинация в тексте как лингвистическая проблема // Вестн. Московского гос. обл. ун-та. Серия : Лингвистика. 2011. № 5. С. 43–47. EDN: OXVNOF.

Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов : краткий тематический словарь. М.: Гнозис, 2007. 320 с. EDN: XHNUUT.

Коконова А. Б. Сколотари и беззаконники: ситуация рождения детей вне брака в северной народной культуре в свете семантических оппозиций // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Ч. 2. С. 343–350.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 185 с.

Кушеев С. Ю. «Амнистия» незаконнорожденности в Российской империи (к вопросу о роли закона от 3 июня 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей») // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 216–218. EDN: PII CBZ.

Ларина Л. И. Обозначения внебрачного ребенка в курских говорах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2014. № 1 (15). С. 38–44. EDN: SEXVXP.

Никифорова О. В. Языковое воплощение представлений о детях, рожденных вне брака, в нижегородских говорах // Русский язык: история, диалекты, современность : сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конф. М.: МГОУ, 2017. Вып. 16. С. 228–234. EDN: ZCZGKV.

Орлова О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип непрямого номинации: когнитивно-культурологическое исследование. М.: Ленанд, 2022. 240 с. EDN: OCNWWV.

Полякова Е. Н., Павлов А. Л. Отражение религиозного мировоззрения в номинативном спектре темы «последствия внебрачных половых отношений» в журналах 1920-х гг. // Евразийское науч. объединение. 2020. № 3-7 (65). С. 327–333.

Пушкарёва Н. Л. Позорящие наказания для девушек в традиционной русской культуре XIX – начала XX в. как следствие гендерной асимметрии // Вестн. ТГЭУ. 2009. № 3. С. 88–97.

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. М.: Гос. стат. изд-во, 1956. 353 с.

Семиколенов М. В. Проблема собственности на землю в ментальных установках сибирского крестьянства во второй половине XIX в. // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2023. № 81. С. 53–60. EDN: KSRQTZ. <https://doi.org/10.17223/19988613/81/6>

Угрюмова М. М. Константы народной культуры в языковом воплощении представлений о ребенке (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 359. С. 25–27. EDN: OZORPJ.

Холодный М. А. Специфика отношений собственности в контексте культурной революции 1917–1920-х годов // Вестн. Чувашского ун-та. 2015. № 4. С. 189–194. EDN: OZORPJ.

References

- Arkhipova, N. G. and Zakirova, A. V. (2014). The image of a child in the Russian linguistic picture of the world: on the example of the opposition “marital-illegitimate” and “native-non-native”. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*, no. 64, pp. 167-171. (In Russian).
- Bankova, T. B., Ugryumova, M. M., and Agapova, N. A. (2017). *Constants of Russian folk culture: linguistic embodiments*. Tomsk, Tomsk State University, 200 p. (In Russian). EDN: XWLCXZ.
- Basovskaya, E. N. (2011). Soviet linguistic purism: word and deed (based on periodicals from the 1920s and 1930s). *RSUH Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, no. 7, pp. 114-124. (In Russian). EDN: NXZBCP.
- Bushueva, L. A. (2024). Implementation of the frame “betrayal in love” in the lexical system of the Russian language and public communication (based on dictionaries and podcasts). *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, no. 2, pp. 113-122. (In Russian). EDN: RCZYWB. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-2-113-122>
- Ivanova, E. A. (2020). “Simple obligation arising from love for a woman.” Who is responsible for the consequences of an extramarital affair? Based on the works of A. N. Ostrovsky and N. S. Leskov. *Actual Scientific Research in the Modern World*, no. 12-8, pp. 84-89. (In Russian). EDN: UAVPYM.
- Ivanyan, E. P. (2021). *Euphemisms of the Russian language. Special course*. Educational manual. Moscow, FLINTA, 120 p. (In Russian).
- Kholodny, M. A. (2015). The specifics of property relations in the context of the Cultural Revolution of the 1917-1920s. *Bulletin of the of Chuvash University*, no. 4, pp. 189-194. (In Russian). EDN: OZORPJ.
- Kiose, M. I. (2011). Indirect nomination in the text as a linguistic problem. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, no. 5, pp. 43-47. (In Russian). EDN: OXBHOF.
- Kokonova, A. B. (2007). Skolotari and lawless people: the situation of the birth of children out of wedlock in Northern folk culture in the light of semantic oppositions. *Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and research*. St. Petersburg, Science, part 2, pp. 343-350. (In Russian).
- Kovshova, M. L. (2007). *Semantics and pragmatics of euphemisms. A short thematic dictionary*. Moscow, Gnosis, 320 p. (In Russian). EDN: XHMUUT.
- Kupina, N. A. (2015). *Totalitarian language: vocabulary and speech reactions*. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 185 p. (In Russian).
- Kushcheev, S. Yu. (2012). “Amnesty” of illegitimacy in the Russian Empire (on the role of the Law of June 3, 1902 “On the approval of rules for improving the situation of illegitimate children”). *Theory and Practice of Social Development*, no. 11, pp. 216-218. (In Russian). EDN: PIICBZ.
- Larina, L. I. (2014). Designations of illegitimate child in Kursk dialects. *Theory of Language and Inter Cultural Communication*, no. 1, pp. 38-44. (In Russian). EDN: SEXVXP.
- Nikiforova, O. V. (2017). Linguistic embodiment of ideas about children born out of wedlock in Nizhny Novgorod dialects. *Russian language: history, dialects, modernity. Collection of scientific articles based on the materials of reports and conference messages*. Moscow, Moscow Region State University, iss. 16, pp. 228-234. (In Russian). EDN: ZCZGKV.
- Orlova, O. S. (2022). *Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures: the principle of indirect nomination*. Cognitive and cultural research. Moscow, Lenand, 240 p. (In Russian). EDN: OCNWWV.
- Polyakova, E. N. and Pavlov, A. L. (2020). Reflection of religious worldview in the nominative spectrum of the topic “consequences of extramarital sexual relations” in magazines of the 1920s. *Eurasian Scientific Association*, no. 3-7, pp. 327-333. (In Russian).
- Pushkareva, N. L. (2009). Shameful punishments for girls in the traditional Russian culture of the 19th - early 20th century as a consequence of gender asymmetry. *Bulletin of the Pacific State University of Economics*, no. 3, pp. 88-97. (In Russian).
- Rashin, A. G. (1956). *The population of Russia in 100 years (1811-1913)*. Statistical essays. Moscow, State Statistical Publishing House, 353 p. (In Russian).
- Semikolenov, M. V. (2023). The problem of landownership in the mental attitudes of the Siberian peasantry in the second half of the 19th century. *Bulletin of the Tomsk State University*

ty. *History*, no. 81, pp. 53-60. (In Russian). EDN: KSRQ TZ. <https://doi.org/10.17223/19988613/81/6>

Ugryumova, M. M. (2012). Constants of folk culture in the linguistic embodiment of ideas about a child (based on the dialects of the Middle Ob region). *Bulletin of Tomsk State University*, no. 359, pp. 25-27. (In Russian). EDN: OZORPJ.

Vereshchagin, V. A. (1907). *The Law of June 3, 1902 on improving the situation of illegitimate children with the motives of the State Council*. St. Petersburg, N. K. Martynov's Law Bookstore, 55 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Полякова Екатерина Николаевна — аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Polyakova.katerinanik@yandex.ru

Information about the Author

Ekaterina N. Polyakova — postgraduate student, Department of the Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods, Polyakova.katerinanik@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.